

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	49
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	103
<i>Послесловие</i>	169

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мир двойственен по отношению к человеку в силу двойственности положения человека в нем.

Положение человека двойственно в силу двойственности основных слов, которые он способен высказывать.

Основные слова, строго говоря, не являются одиночными словами — они всегда представляют собой пары слов.

Одно из основных слов — словесная пара Я — Ты.

Другим основным словом является словесная пара Я-Оно; причем — без изменения основного слова — на место Оно можно подставить слова Он и Она.

Тем самым Я человека также имеет двойственную природу.

Ибо Я основного слова Я — Ты представляет собой нечто иное, нежели Я основного слова Я-Оно.

Основные слова не обозначают что-либо, а устанавливают связи.

Основные слова не высказывают того, что могло бы находиться вне их, но, будучи сказанными, устанавливают свою данность.

Основные слова высказываются самой сущностью индивида.

Когда произносится Ты, то, одновременно, произносится и Я словесной пары Я — Ты.

Когда произносится Оно, то, одновременно, произносится Я словесной пары Я-Оно.

Основное слово Я — Ты может быть произнесено только целостным существом.

Основное слово Я-Оно никогда не может быть произнесено целостным существом.

Не существует Я самого по себе, но существует только Я основного слова Я — Ты и основного слова Я-Оно. Когда человек произносит Я, он подразумевает одно из этих основных слов. Подразумеваемое человеком Я присутствует, когда он произносит Я. Также и когда он произносит Ты или Оно, в его высказывании присутствует Я одного или другого основного слова. Быть Я или произнести Я — одно и то же. Произнести Я — это то же самое, что произнести одно из основных слов.

Тот, кто произносит основное слово, вступает в него и находится в нем.

Жизнь человеческого существа не ограничивается одной только областью переходных глаголов. Жизнь не состоит из одной только деятельности, имеющей Нечто своим объектом. Я что-то воспринимаю. Я что-то испытываю. Я что-то себе представляю. Я чего-то хочу. Я что-то чувствую. Я что-то думаю. Человеческая жизнь состоит не только из всего того и подобного тому.

Все это и подобное этому лежит в основании царства Оно.

Однако царство Ты имеет иное основание.

Тот, кто произносит Ты, не имеет в виду своим объектом Нечто. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто, и каждое Оно граничит с другим Оно, Оно вообще существует за счет других Оно, с которыми граничит. Однако, произнесение Ты не подразумевает никакого Нечто. Ты не имеет границ.

Тот, кто произносит Ты, не располагает никаким Нечто, он не располагает ничем. Но зато он вступает в отношение.

Говорят, что человек познает мир через опыт. Что это значит? Это значит, что человек скользит по поверхности вещей и познает их. Из этого ощупывания он получает знание об их свойствах, извлекает опыт. Он познает свойства вещей.

Но не одним только опытом познается мир.

Ибо чувственные опыты представляют человеку только тот мир, который состоит из Оно и Оно, Он и Он, из Она и Она, и Оно.

Опытом я познаю Нечто.

Ничто не изменится, оттого что к «внешнему» опыту добавляют опыт «внутренний», следуя преходящему разделению, каковое происходит из стремления рода человеческого притупить тайну смерти. Что внутренние, что внешние — это всего лишь вещи среди вещей!

Я познаю Нечто в опыте.

И ничего не изменится оттого, что к «явному» опыту добавляют «скрытый», «тайный», следуя самоуверенной мудрости, знающей сокровенную суть вещей, доступную только посвященным, и играющей ключом. О таинственность без тайны, о нагромождение сведений! Всюду оно, оно, оно!

Познающий опытом непричастен миру. Опыт присутствует «в познающем», а не между ним и миром.

Мир непричастен опыту. Он позволяет познавать себя, но не включается в познание и ничем ему не помогает; от познания с ним ничего не происходит.

Мир, как познаваемый опыт принадлежит основному слову Я — Оно. Основное слово Я — Ты образует мир отношения.

Есть три сферы, в которых строится мир отношения.

Первая: жизнь с природой. Это отношение неизъяснимо и зыбко колеблется во мраке. Оно явственно шевелится перед нами, но не приближается к нам, и произнесенное нами Ты замирает на пороге слышимой речи.

Вторая: жизнь с людьми. Это отношение открыто и доступно речи. Мы можем отдавать и принимать Ты.

Третья: жизнь с духовными сущностями. Это отношение, окутанное облаками, но оно является в откровении, оно немо, но способно порождать речь. Мы не слышим Ты, но чувствуем, что нас зовут, и отвечаем, творя, мысля,

действуя; всем нашим существом произносим мы основное слово, не умея сказать его нашим ртом.

Как же осмеливаемся мы включать в мир основного слова физически неизъяснимое?

В каждой сфере, сквозь всякое возникающее перед нами становление, видим мы грань вечного Ты, ощущаем его дуновение, каждым своим Ты обращаемся мы к вечности, по-своему в каждой сфере.

Я наблюдаю дерево.

Я могу воспринимать его как картину: неколебимый столб, выдерживающий напор света, или брызги зелени на фоне безмятежной серебристой синевы.

Я могу ощущать его как движение: соки, текущие по жилам, обвивающим устойчивую прочную сердцевину, как дыхание листьев, как бесконечную подвижную связь с землей и воздухом — и его скрытый от глаз рост.

Я могу отнести дерево к определенному виду и наблюдать его как биологический экземпляр, оценивая его строение и образ жизни.

Я могу настолько сильно пренебречь его неповторимостью и формой, что стану воспри-

нимать его как выражение некоторых законов — законов, согласно которым непрестанно сглаживается противодействие сил, или законов, согласно которым вещества то смешиваются, то вновь разделяются.

Я могу представить его числом, чистым численным соотношением, уничтожив его физически и увековечив в числе.

При всем том, дерево останется воспринимаемым мною предметом с отведенным ему местом и сроком жизни, предметом с особым строением и особыми признаками.

По неведомой воле и милости, может, однако, случиться так, что я, глядя на дерево, окажусь захваченным личным отношением к нему, и тогда дерево перестанет быть для меня Оно. В таком случае мною овладеет ощущение исключительности дерева.

При этом совершенно не обязательно, что мне придется отбросить какой-либо из аспектов моего наблюдения. Не существует ничего, от чего мне пришлось бы отказаться, чтобы видеть, не существует такого знания, которое я должен был бы забыть. Более того, все — образ и движение, вид и экземпляр, закон и число — все это сольется в неразделимом единстве.

Все, что принадлежит дереву — его форма и его механические свойства, его взаимодействие со стихиями и небесными светилами, — остается при нем в целостном единстве.

Дерево — это не мое впечатление, не игра моего воображения, не плод моего настроения — оно предстает передо мной телесно, оно влияет на меня так же, как я на него, но только по-другому.

Нельзя пытаться лишить жизненной силы смысл отношения: отношение, по своей природе, взаимно.

Так не может ли дерево обладать сознанием, подобным нашему? Я не могу показать это опытом. Вы снова хотите, уверовав в удачу, разложить неразложимое? Передо мной стоит не душа дерева, не дриада, а именно само дерево.

Если я стою перед человеком и воспринимаю его, как мое Ты, обращаю к нему основное слово Я — Ты, то он, этот человек, не является вещью среди других вещей, и он не состоит из вещей.

Он не является ни Он, ни Она, он не ограничен от других Он и Она; он не является фиксированной точкой пространственно-временной сети; Ты не есть поддающееся опыт-

ному исследованию и доступное описанию свойство, это не рыхлый пучок имеющих названия признаков. Он не граничит ни с чем, он есть полностью Ты и заполняет собой весь небесный круг. Дело, однако, не в том, что кроме него ничего не существует; нет, но все другое живет в его свете.

Мелодия не состоит из тонов, стихотворение не состоит из слов, скульптура не состоит из линий; для того, чтобы превратить единство каждого из этих предметов в множественность, придется растащить их и разорвать на части; так же обстоит дело и с человеком, которому я говорю Ты. Я могу отнять у него оттенок его волос, оттенок его речи, оттенок его доброты; мне придется делать это снова и снова; но от этого он перестанет быть Ты.

Не молитва совершается во времени, а время в молитве, не жертва совершается в пространстве, а пространство в жертве, и тот, кто опрокидывает это отношение, уничтожает действительность; так и человека, которому я говорю Ты, не обнаруживаю я в каком-либо Когда и Где. Я могу переместить его туда, и мне придется делать это снова и снова, но только в образе Он, или Она, или Оно; но это уже не будет мое Ты.